

Было заметно, что Цин Чжан даже не думал убивать князя Мина. В повозке отсутствовало оружие, более того, сам мужчина позволил служанкам ухаживать за ними, господами, в дороге, а, сев в повозку, крайне охотно пробовал ранее упомянутый особый юньиньский мандариновый чай.

— М, действительно крепкий аромат мандарина, его вкус и сладость ощущаются во рту.

Фэн Мин, сидя напротив Цин Чжана, с любопытством смотрел на человека, забравшего в свои руки большую часть императорской власти старшего брата, если верить слухам, и, не удержавшись, Его Светлость, разомкнув губы, задал вопрос:

— Царствующий дядюшка занятой, так почему всё-таки, не пожалев времени, покинул столицу Тун и приехал в Фанди встретить меня?

Осушив чашечку мандаринового чая, Цин Чжан, похоже, не насытился и, дав понять Цю Лань, что надо заварить ещё, только потом повернулся:

— Не встретив лично, мог тревожиться-а.

— Э? То есть?

— Князь Мин, должно быть, слышал новость о том, что мой государь[1] Тун пропал без вести?

— Слышал.

— Следовательно, старший наследник Тун Цин Ли подозревает князя Мина в убийстве своего отца-императора и поклялся, что если князь Мин ступит на землю Тун, то, по слухам, которых немало наслушался князь Мин, обязательно заплатит за содеянное.

С тех пор как нога Его Светлости ступила на земли Тун, а взгляд упал на блестящие, как холод, острые копыя рядовых солдат, Фэн Мин был вынужден немедленно доставать из-под утиной подстилки и оттачивать своё актёрское мастерство.

Понимая, что его успех или поражение повлияют на Жун Тяня, Ле Чжунлю, Жун Ху, верхи и низы[2] рода Сяо и прочих, даже если и не хватало совершенства в навыках актёрского мастерства, то Его Светлость был вынужден достигнуть его.

Потому, едва услышав слова Цин Чжана, Фэн Мин немедленно сделался серьёзным и с недовольством вернул:

— Неужели даже царствующий дядюшка верит в эти сплетни? Если бы я замышлял расправу над государем Тун, разве осмелился бы приехать сюда? Не бывает таких не страшщихся

смерти идиотов, ну? Я подозреваю, что наследный принц Цин Ли просто-напросто сбит с толку подлыми людьми, не более, я убеждён, что через короткое время он придёт в себя. — «Если только не найдётся голова, которую временно взял на сохранение Жун Ху...»

Увидев, с каким серьёзным видом говорит князь, Цин Чжан не мог не рассмеяться и немедленно замахал руками:

— Я, конечно, ни в коем случае не верю, что князь Мин сотворил подобное, забыв про совесть, к тому же я также не верю, что старший брат-император мёртв...

А в душе Его Светлость поразмыслил: «Ты, разумеется, не веришь, если бы даже поверил во всё это, то Цин Дин уже мёртв, а твой племянник Цин Ли хочет вступить на престол и отнять всю власть, что в твоих руках».

— ...Цин Ли в таком возрасте, когда легко поддаются на провокации людей. Я больше всего боюсь, что он, не разобравшись, может сотворить глупость и необдуманно нападёт на князя Мина, потому, как только получил новость о прибытии в Тун Вашей Светлости, сразу же поспешил сюда, чтобы первым встретить князя Мина. Во-первых, это ради безопасности князя Мина, во-вторых, ради моего несмышлёного племянника — если он и впрямь убьёт князя Мина, то как держать ответ перед родом Сяо и императором Силэй? Увы, с тех пор, как пропал старший брат-император, нрав Цин Ли становится хуже день ото дня, а сам он проявляет ко мне, царствующему дядюшке, всё больше неуважения, но он является единственной кровью и плотью моего старшего брата, и если позволить ему сделать грубейшую ошибку, то как потом объясняться перед старшим братом-императором, если он вернётся?

Слова Цин Чжана звучали очень искренне и весьма убедительно, даже в сочетании с его широким сердцем и полной фигурой[3] и с выражением безысходности на лице.

Всегда находящаяся рядом с Фэн Мином Цю Юэ слышала, что в Тун изменилось положение, и давно поняла — Цин Чжан всем сердцем желает захватить императорскую власть, однако сейчас, невольно поддавшись его показному волнению и обеими руками подавая вторую чашку чая, воспользовалась моментом, когда Цин Чжан брал у неё эту самую чашку, и, специально преисполненная уважения, благоговейно посмотрела на Цин Чжана, «преподнося» данный взгляд в качестве утешительного приза.

Сидящие в повозке царствующего дядюшки близняшки, понимая, что сейчас не время что-либо болтать, молча встали на колени и поклонились в пол, чествуя мужчину и показывая, что тронуты поддержкой, оказанной их князю, после чего, опустив головы, сели как раньше.

Фэн Мин, конечно же, готовый подействовать, благодарным взглядом посмотрел на Цин Чжана.

— Князь Мин, — позвал мужчину, — у меня есть одна настойчивая просьба, надеюсь, князь Мин выполнит её.

Сердце бешено забилося в груди, а сам князь с невозмутимым видом ответил:

— Я слушаю, говорите.

— Ненависть Цин Ли к Вашей Светлости вызвана лишь подстрекательством подлых людей. Я настоятельно прошу князя Мина не принимать близко к сердцу...

— Это самое... Разумеется.

— Я ещё настоятельно рекомендую князю Мину по прибытии в Тунцзэ обещать мне, что при первой же встрече с Цин Ли князь Мин уладит конфликт и помирится с ним.

— Это...

— Насчёт безопасности нет никаких проблем, войско Тунцзэ находится под моим контролем, — поспешно сказал Цин Чжан. — Я головой ручаюсь за безопасность Вашей Светлости, пока я рядом, Цин Ли не осмелится тронуть даже Ваш волосок. И как только смелый князь Мин с Цин Ли объединятся, это сразу же заставит приближённых людей наследного принца поверить в невиновность Вашей Светлости. Тогда Цин Ли и его людям будет труднее справиться с важным делом, и пусть они не сразу осознают это, однако у них больше не будет возможности совершить огромную ошибку.

Фэн Мин, храня молчание, пораскинул мозгами, разбираясь в скрытом значении сказанного. Цин Ли хочет убить его из-за того, что его приближённые люди объявили о смерти Цин Дина, чтобы вскоре наследный принц вступил на престол и начал править. Ради этого Цин Чжан немедля разорвёт приказ, не позволяя Цин Ли достичь успеха, потому Цин Чжан всеми силами постарается защитить князя, обеспечив благополучие и безопасность, пока есть шанс. К тому же, даже без проблемы в лице Цин Ли, Цин Чжан не станет вредить ему, князю. Ни с того ни с сего вызвать недовольство как Жун Тяня, так и рода Сяо неужели считается забавным? Хоть горло этого типа заполнено лживостью, однако среди этой фальши есть небольшая доля правды.

В глубине души учитывая только свои интересы, Фэн Мин проямлил:

— Царствующий дядюшка, Ваша милость огромна, Фэн Мин действительно не знает, как правильнее отплатить Вам.

Губы Цин Чжана внезапно изогнулись в странную дугу, а сам мужчина, ахнув, сказал со смехом:

— Всё же нелегко отблагодарить? Достаточно, чтобы князь Мин согласился выполнить две моих просьбы, и тогда по возможности отблагодарите за мою огромную милость.

— А? — тут же обомлел Фэн Мин. «Ошибка, нет ли? Вы, уважаемый, тоже слишком прямолинейны?»

— Лишь два крошечных условия и только-то, ручаюсь, что для князя Мина выполнить их не составит особого труда.

— Ик... Интересно, что это за «крошечные условия»?

— Первое... Я надеюсь, что князь Мин впредь будет привозить груз вместо Фэнчэн на пристань Фанди.

Посмотрев на белое, алчное лицо Цин Чжана, Фэн Мин тотчас же всё понял. Род Сяо являлся владельцем огромного судоходного дела, а Фэнчэн — одна из самых больших и часто используемых пристаней, местная власть которой за выгруз и погруз товара требовала, конечно же, оплату налогов; если выбрать пристань Фанди, в таком случае государство Тун ежегодно будет получать огромные налоги с рода Сяо.

Такой подход являлся чересчур требовательной взяткой, поскольку огромные налоги от портового сбора платились из года в год.

Этот Цин Чжан, кто бы мог подумать, хотел отобрать у Юньинь налоговую сделку с родом Сяо. Причём отреагировал он очень быстро, так как, определённо, получил новость о том, что управляющий пристанью Фэнчэн чиновник Тайцань пропал без вести, и, узнав, что работа пристани Фэнчэн нестабильна, вслед подумал, что род Сяо ни в коем случае не причинит вреда, а в отношении собственного дохода Цин Чжан остаётся в выигрыше, но помимо всего этого Фэн Мин может беспечно согласиться на выдвинутые условия.

Вот так штука! Родись Цин Чжан в современном мире, то стал бы самым «топовым» агентом по продажам.

— На самом деле, наша Фанди тоже неплохая пристань, хоть и немного старенькая, но стоит только провести к пристани широкие пути, в придачу расширить и привести в порядок, то она станет куда удобнее пристани Фэнчэн.

Фэн Мин, конечно же, не хотел с ним ругаться из-за этой проблемы, потому, не сказав и двух слов[4], кивнул:

— Я могу позволить своим подчинённым взять это дело в свои руки, нужно лишь отправить в Фанди подходящий груз, ну а позже Фанди может стать такой же часто используемой пристанью, коей является Фэнчэн.

— Хорошо! С князем Мином и впрямь приятно иметь дело! — И на мясистом лице царствующего дядюшки расцвела улыбка, а сам мужчина по-дружески крепко хлопнул Его

Светлость по плечу. — Второе условие... Второе условие ещё проще, — Цин Чжан решил брать «быка за рога»[5], и, приблизившись, внимательно посмотрел на Фэн Мина, говоря: — Давно ходят слухи о непревзойдённой красоте князя Мина, я сначала думал, что это базарная молва, лишь преувеличение. Однако сегодня при нашей первой встрече оказалось, что слухи, наоборот, преуменьшают красоту столь чудесного облика. Потому я хочу найти лучшего художника в Тун, чтобы он написал портрет князя Мина. Конечно же, боюсь, в мире нет ни одной кисти, которая могла бы передать всё очарование и манеры князя Мина, но достаточно той, что в состоянии передать половину столь прекрасного, — и это уже смело можно считать превосходной работой. Если Цин Чжан повесит портрет князя Мина в своём дворце, это будет огромное счастье. Интересно, согласится ли князь Мин?

Фэн Мин никак не догадывался, что его красота настолько достигла «вершин», что, кто бы мог подумать, царствующий дядюшка Тун не пожалел использовать великую милость в обмен на портрет.

Неизвестно, какими являлись эти базарные слухи, не такие ли это замечания, как «красивый, но безмозглый», «стройное тело, но безмозглый лоб»?

С неловкостью на лице Фэн Мин проговорил:

— Царствующий дядюшка слишком перехваливает, я... ну... я весьма обычный человек... чтобы специально искать лучшего художника, и тем более портрет вешать в резиденции царствующего дядюшки, боюсь, подобное слишком хлопотно...

— Князь Мин слишком скромный. Неужели князь Мин не знает, что его портреты во всех странах продаются по заоблачной цене? Даже небольшую попытку передать схожесть с оригиналом можно продать за двадцать золотых, а если художник найдётся крайне талантливый, который к тому же лично встречался с князем Мином и запечатлел на картине почти полное с Вами сходство, то можно за этот портрет получить несколько сотен золотых.

— Что? — вытаращил глаза Фэн Мин.

Пока Его Светлость изумлялся, колёса повозки наконец-то остановились, и, похоже, один из телохранителей Цин Чжана снаружи радостно доложил:

— Уже прибыли к устроенному банкетному залу, прошу Шу-вана и князя Мина выйти из повозки.

Ло Юнь, Жун Ху и ещё несколько охранников, что следовали позади повозки, перед тем, как Фэн Мин покинул транспорт, отправили несколько человек в банкетный зал, чтобы «молодому господину поставить любимую посуду». А перед тем, как князь сел за стол и принялся вкушать закуски, конечно же, охранники всё тщательно проверили вокруг.

Банкет полнился особой атмосферой страны Тун: в большом главном зале по четырём углам

находились курильницы, которые были выше обычного человека, в каждой из них горели больше десятка благовоний; на полу лежали роскошные подушки для удобства знати, которая могла, вкушая яства, облокотиться на них, более того, можно было предаться беззаботной дреме, лёжа на боку. Возле каждой циновки стояла тёплая вода, которая время от времени менялась, с чистыми полотенцами, чтобы когда угодно можно было помыть руки и лицо.

Присутствующих на банкете оказалось мало, главными гостями являлись Фэн Мин, Цин Чжан и Чжуан Пу. Придворный генерал Тун, по-видимому, был неразговорчивым и большую часть времени выполнял роль наблюдателя. Вопреки этому, Цин Чжан беседовал и относился к князю крайне добродушно, во время обеда мужчина тяжело вздыхал, беспокоясь о собственном старшем брате-императоре, попутно горько сожалел о скверном характере племянника — Цин Ли, и ещё больше расхваливал князя Мина.

С улыбкой внимательно слушая и изредка с изящными манерами отвечая, Фэн Мин в душе зевал во весь рот. И зачем на банкете лежали роскошные подушки, позволяющие поспать, князь, в конце концов, понял. Но, к сожалению, Его Светлость не смел развалиться и крепко уснуть прямо там, где сидел.

— Слава рода Сяо распространена по всему миру, и кто бы мог подумать, что князь Мин настолько молод и даже может как надо управлять делами, вот действительно на редкость выдающийся человек! Ха-ха, ха-ха!

— Царствующий дядюшка оказывает мне слишком много чести.

— То дело о пристани Фанди прошу князя Мина запомнить.

— Конечно. Ведь если достойный человек сказал слово, то его не вернёшь и на упряжке из четырёх лошадей[6].

С большим трудом дотерпев до полуночи, рот Цин Чжана, который то и делал, что открывался и закрывался, а потом вновь открывался, наконец-то, не стерпел и зевнул.

Взгляд князя просиял, а сам Фэн Мин спешно ухватился за возможность и принял заинтересованный вид:

— Царствующий дядюшка утомился? Сегодня заслужив встречу царствующего дядюшки, Фэн Мин, на самом деле, крайне стыдится и не может в дальнейшем составлять компанию царствующему дядюшке, потому позвольте откланяться, — договорив, Его Светлость поднялся на ноги.

Цин Чжан, проявив к нему поистине хозяйскую заботу, подавил зевок и, спешно поднявшись с места, поклонился, вновь спрашивая:

— Где князь Мин планирует остановиться?

На что Жун Ху подмигнул своему господину. И Фэн Мин с лёгкой улыбкой ответил:

— При мне слишком много охраны, если заночую в городе, то, вполне вероятно, потревожу народ. Лучше всего вернуться на корабль. — «Вы, уважаемый, не думали оставлять меня на ночь, да? Даже если я соглашусь, при мне эти два молодых красавца, у которых огромное чувство ответственности, никогда не согласятся».

Вдруг Цин Чжан лишь обнажил досадный вид, но принуждать не стал, наоборот, прекрасно понимая, кивнул со словами:

— Вернётесь на корабль — тоже хорошо, ведь там легче охранять. Князь Мин благороден[7], потому осторожность несколько не повредит. Планирует ли князь Мин посетить Тунцзэ?

— Конечно.

Тунцзэ являлась столицей Тун, которая неизбежно стала играть роль «главной станции» в специально обсуждаемом Ле Чжунлю и Фэн Мином маршруте.

— Тогда отлично, я поеду вместе с князем Мином, — договорился с юношей Цин Чжан, явно уже придумав план. — Моя большая джонка тоже причалила к пристани Фанди, и завтра утром позвольте моему кораблю сопровождать караван судов рода Сяо, мы поднимемся вверх по течению прямо до Ханьжо. Как только мы туда прибудем, сойдём на берег и, потратив, так или иначе, четыре дня на дальнейший путь, доберёмся до Тунцзэ.

Чжуан Пу к тому времени тоже поднялся и начал:

— Большая река Оман является территорией рода Сяо, к тому же на борту имеются множество мастеров меча рода Сяо, обеспечивая полную безопасность на воде, потому мне незачем переживать. Я вместе с войском отправлюсь другим путём — близ берега последую за караваном кораблей, переключаясь с вами. Прибыв в Тунцзэ, сразу же встретимся и вместе с телохранителями Его Светлости сопроводим Шу-вана и князя Мина, обеспечивая и гарантируя вам абсолютную безопасность. Ну как?

Отвечающие за безопасность Фэн Мина Ло Юнь с Жун Ху неоднократно изучали маршрут, ведущий в Тунцзэ, который тянулся вдоль реки Оман до Ханьжо, поэтому, после высадившись на берег, пройти по дороге было легче всего, к тому же намного безопаснее.

Будучи дворцовым генералом, Чжуан Пу своей важной задачей считал защиту царствующего рода Тун, и, конечно же, он являлся высокоранговым среди выдающихся телохранителей Его Величества, при этом его мысли совпадали с мыслями Ло Юня и Жун Ху.

Двое охранников, обменявшись взглядами, посчитали подобное мнение довольно приемлемым.

Сейчас Фэн Мин стал огромной мишенью в борьбе между Цин Чжаном и Цин Ли, и если бы Цин Чжан позволил князю столкнуться с какой-нибудь бедой в Тун, то не только бы блуждал в потёмках, так ещё выяснилось бы, что ни слуги, ни он сам, Цин Чжан, не в состоянии контролировать шаткое нынешнее положение страны. Да, эта толпа типов в настоящее время больше всего боялась, что Цин Ли убьёт Фэн Мина по их оплошности.

— Можно отправиться с царствующим дядюшкой, конечно же, это лучше всего, — радостно отозвался Фэн Мин.

— Тогда договорились.

По окончании банкета, который был устроен в честь приезда Его Светлости, гость и хозяин радовались, обещая друг другу завтра на рассвете встретиться на пристани. И, наконец-то покинув скучное торжество, Фэн Мин, как только поводья хлестнули коней и повозка тронулась с места, громко крикнул: «Свобода!» Жун Ху с Ло Юнем, не сказав и двух слов, вошли в повозку, помимо того, что они составляли Его Светлости личное сопровождение, так ещё это шло на пользу обоюдному обмену мнениями.

— Цин Чжан упорно настаивает на совместной поездке с князем Мином. Что думаешь?

— В зависимости от его интереса он всем сердцем и всеми помыслами хочет помочь защитить молодого господина.

Фэн Мин вставил слово:

— Сейчас не защищать меня тоже не выгодно, обстановка вынуждает, ведь враг моего врага — мой друг, эта фраза при нынешних обстоятельствах полностью оправдывает себя.

Может случиться, что из-за союза с Цин Чжаном влияние Цин Ли ослабнет. Для Фэн Мина, которому расправой угрожал Цин Ли, это являлось действительно хорошей новостью. Разумеется, в отношении Цин Ли, наоборот, плохой.

— Даже если Цин Чжан хочет защитить князя Мина, нет никакой гарантии, что под его командованием не окажутся люди Цин Ли; сейчас, несмотря на то, правду он говорит или ложь, весь путь нельзя расслабляться, неважно, находимся мы на воде или суше, обязательно нужно усиленно защищать князя.

— Верно, тогда так и сделаем.

Лично сопроводив Фэн Мина до главных ворот и взяв за руку, Цин Чжан перекинулся с ним парой фраз, после чего проводил взглядом повозку Его Светлости, дождался, когда она

скроется из вида, и только тогда, развернувшись, отправился к себе. Спешно пройдя вовнутрь, а там и в роскошно обставленную мебелью опочивальню, Цин Чжан подавил зевок, потянулся и, махнув рукой, отослал толпу слуг. Глаза во мраке неожиданно вспыхнули и наполнились одухотворённостью, да так, что от усталости не осталось ни малейшего следа.

— Жёнушка[8]? Жёнушка? — Цин Чжан зажжёт тонкую свечу и, дойдя до кровати, что была скрыта под низко свисающим расшитым пологом, приглушённо спросил: — Жёнушка, Вы здесь?

Вслед за этим белая, подобная нефриту, потрясающе красивая рука вытянулась из-за занавески. Эта рука, будто видя, с ловкостью схватила подол платья Цин Чжана. Мужчина еле слышно ахнул от удивления и, почувствовав, что его тянут, зашёл за мягкий полог, где не видно было ни зги, а едва уловимый тонкий аромат обдал лицо, вызывая нестерпимый сердечный зуд[9].

— Царствующий дядюшка вернулся? — раздался за пологом похожий на музыку низкий голос, который своими переливами заставлял разомлеть кого угодно, мысли скакать, словно лошадь, а душу — метаться, как обезьяна[10].

Цин Чжан также приглушённо начал заискивать:

— Я встретился с князем Мином.

В воцарившейся во мраке тишине мужчина вновь услышал приятный женский голосок, медленно говорящий лишь одно слово:

— А-а.

— Действительно, всё, как говорила младшая жена[11]: он слишком легко доверяет людям — я всё время, проведённое на банкете, непрерывно хвалил его за всевозможные заслуги, даже ещё много раз заявлял, что не позволю Цин Ли навредить ему, в душе он, должно быть, понимает, что я не хочу, чтобы с ним случилось какое-нибудь несчастье. А перед тем, как уезжать, он согласился на совместную поездку в Тунцзэ.

Ухо Цин Чжана обдало лёгким жаром, словно кто-то подул на него. Отведя руку назад, мужчина всё же, как и предполагалось, коснулся лёгкой и нежной руки[12] и, взяв её в свой плен, сразу обрадовался.

Эта красавица обладала мастерством держаться на расстоянии, казалось, что она испытывает к Цин Чжану симпатию, однако никогда не позволяла ему прикасаться к себе. А этой ночью разрешила ему действовать крайне нагло, что можно было расценить как поощрение за его усердные старания.

— Царствующий дядюшка не должен забывать, что, приехав в Тунцзэ, позволит ему встретиться с Цин Ли, но перед этим нельзя допустить, чтобы он начал сомневаться в Вас.

Легко касаясь нежной ручки своей рукой, Цин Чжан с полной уверенностью вернул:

— Жёнушке Цянь-Цянь не стоит беспокоиться. Неужели этот царствующий дядюшка может выдать себя[13]? Князь Мин молодой, неопытный, да хоть будет десять князей Минов, они мне не соперники. К тому же на этот раз я специально взял с собой придворного генерала Чжуана Пу, так как он ничего не знает о моих планах. Он всё ещё ошибочно полагает, что я действительно ради непоколебимости Тун настаиваю на защите князя Мина. Конечно же, защита в дороге должна быть такой, чтобы и капля воды не просочилась, а имея его в качестве прикрытия, ни у одного смышлёного телохранителя Его Светлости не возникнет мысли, что что-то не так.

Склонив голову к благоуханной и нежной руке женщины, Цин Чжан старательно поцеловал её и, поцоквав языком в знак восхищения, вновь заговорил:

— От Фанди до Тунцзэ плыть около десяти дней, и чем дальше — тем больше поверят, что у меня совершенно нет никаких дурных намерений насчёт князя Мина, таким образом, когда прибудем в Тунцзэ, после моего плана устроить встречу Цин Ли и князя Мина их внимание полностью сосредоточится на Цин Ли.

Тогда женщина с лёгкой насмешкой проговорила:

— Поздравляю Шу-вана, если большое дело увенчается успехом, на престол Тун сядете Вы, Шу-ван.

Слегка обрадованный Цин Чжан сказал со смехом:

— Я тогда поздравляю жёнушку, разве крохотный престол Тун может сравниться с наследством рода Сяо, который, вполне возможно, может перейти к Вам? Как только дело сделается, жёнушке не стоит забывать о соглашении выполнить первоначальное требование этого царствующего дядюшки. — Мягкая рука, что лежала в его ладони, внезапно выскользнула, и больше мужчине не удалось её найти.

Но Цин Чжан не рассердился, наоборот, облизав уголки рта, с пошлой улыбкой добавил:

— Ходят слухи, что император Силэй одержим князем Мином, даже император Ли до безумия очарован им. По-моему, когда смотришь на этого мальчишку, он не надоедает взору, однако, когда речь заходит о настоящем веселье, любой взрослый мужчина думает только о такой непревзойдённо-прекрасной молодой замужней женщине, как Вы, в которой есть очарование и изящество...

— Когда Шу-ван уничтожит сына этой шлюхи, вновь вернёмся к подобным мыслям, — голос женщины изменился, став низким и холодным. — Сейчас я лишь беспокоюсь за этого бесполезного ребёнка — Цин Ли. Мы стараемся, чтобы он приобрёл выгодное положение в семье, к тому же планируем тайком приставить к нему двух юных охранников, но боюсь, как бы он снова не упустил возможность нанести удар. Это ничтожество до сих пор выполняет свои обязанности с нерешительностью, если по чистой случайности он перед тем, как нанести удар, вновь замешкается и упустит шанс, наш план попросту рухнет[14].

— Совершенно невозможно, — с готовностью[15] вернул Цин Чжан. — Он лишился рассудка благодаря Чан И, да ещё вдыхал одурманивающее снадобье, что давала ему эта девушка. Но сейчас одно слово моей сообразительной и дорогой Чан И, и этот дурачок, не смотря ни на что, даже спрыгнет в море, если таковым будет её желание. Тем более, он хочет отомстить за отца, и только. Конечно, в ответ моему врагу придётся расплатиться своей жизнью, ха-ха-ха! С помощью его казни я заткну рот как императору Силэй, так и роду Сяо, более того, устрою ему самые великолепные и величественные похороны, выражая огромную скорбь как любящий дядюшка.

Примечания:

[1] Цин Чжан называет своего брата полным титулом 大皇帝 (dàwáng, dàiwáng) — даван, дайван — великий государь, Вы, Ваше величество.

[2] Имеется в виду, например, правитель и подчиненные, богатые и бедные, взрослые и дети; также можно перевести как «победа и поражение».

[3] В оригинале фраза звучит как «[если] сердце широкое, [то и] комплекция полная», обр. в знач.: довольный, приветливый, благодушный и одновременно полный, тучный. Стереотип о том, что толстяки всегда добродушны.

[4] В значении «без лишних слов», «без возражений».

[5] В оригинале фраза звучит как «открыть дверь и увидеть горы», обр. напрямиком перейти прямо к делу, с места в карьер.

[6] Китайский аналог русским пословицам: сказанное слово не вернёшь; слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

[7] Цин Чжан говорит 齷齪 (jīngù) — цзинуй — что означает не только «высокомерие от положения», но ещё и «благородный».

[8] Цин Чжан говорит 夫人 (fūrén) — фужэнь — госпожа, супруга.

[9] Обр. в знач.: чувствовать сильное желание, влечение, искушение.

[10] «Мыслями [скачет] как лошадь, душою [мечется] как обезьяна» — обр. в знач.: раздираемый сомнениями, мятущийся.[11] Цин Чжан говорит 孀婦 (rúfūren) — жуфужэнь — младшая, второстепенная жена либо наложница.

[12] Словосочетание 肉白 (róu yí'tí) — жоу и\ти — переводится дословно как «мягкие побеги», образно о женской руке. Первое упоминание этого выражения произошло в древнекитайском литературном памятнике «Шицзин»: «рука подобна молодому побегу, а кожа [бела] как

застывший жир» (обр. о лоснящейся, мягкой и блестящей коже).

[13] 露出(ìdūchū mǎjiǎo) — лочу мацзяо — буквальный перевод «высунуть лошадиные копыта»; обр. выдать, раскрыть.

[14] В оригинале фраза звучит как «для завершения холма не достало одной корзинки земли», обр. в знач.: сорвать успех дела из-за пустяка; недоделать; бросить большое дело на пороге его завершения.

[15] В оригинале фраза звучит как «в душе (в уме) иметь готовый бамбук (прежде чем начать рисовать его)», обр. в знач.: иметь ясное представление о способе решения задачи, иметь готовый план в голове, быть в полной готовности.

<http://bllate.org/book/13377/1190231>